

Николай РУБЦОВ

«Я ЛЮБЛЮ, КОГДА ШУМЯТ БЕРЁЗЫ...»

Звезда полей

Звезда полей, во мгле заледенелой
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

Берёзы

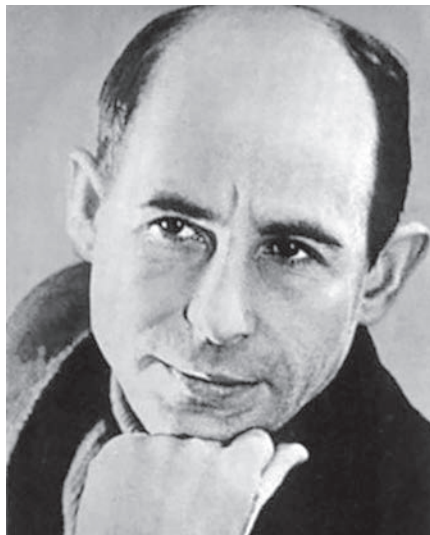
Я люблю, когда шумят берёзы,
Когда листья падают с берёз.
Слушаю – и набегают слёзы
На глаза, отвыкшие от слёз.

Всё очнется в памяти невольно,
Отзовется в сердце и в крови.
Станет как-то радостно и больно,
Будто кто-то шепчет о любви.

Только чаще побеждает проза,
Словно дунет ветер хмурых дней.
Ведь шумит такая же берёза
Над могилой матери моей.

На войне отца убила пуля,
А у нас в деревне у оград
С ветром и дождём шумел, как улей,
Вот такой же жёлтый листопад...

Русь моя, люблю твои берёзы!
С первых лет я с ними жил и рос.
Потому и набегают слёзы
На глаза, отвыкшие от слёз...

Над вечным покоем

Рукой раздвинув тёмные кусты,
Я не нашёл и запаха малины,
Но я нашёл могильные кресты,
Когда ушёл в малинник за овины...

Там фантастично тихо в темноте,
Там одиноко, боязно и сыро,
Там и ромашки будто бы не те –
Как существа уже иного мира.

И так в тумане омутной воды
Стояло тихо кладбище глухое,
Таким всё было смертным и святым,
Что до конца не будет мне покоя.

И эту грусть, и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я хотел упасть и умереть,
И обнимать ромашки, умирая...

Пускай меня за тысячу земель
Уносит жизнь! Пускай меня пронесит
По всей земле надежда и метель,
Какую кто-то больше не выносит!

Когда ж почую близость похорон,
Приду сюда, где белые ромашки,
Где каждый смертный свято погребён
В такой же белой горестной рубашке...

Сосен шум

В который раз меня приветил
Уютный древний Липин Бор,
Где только ветер, снежный ветер
Заводит с хвоей вечный спор.

Какое русское селенье!
Я долго слушал сосен шум,
И вот явилось просветленье
Моих простых вечерних дум.

Сижу в гостинице районной,
Курю, читаю, печь топлю,
Наверно, будет ночь бессонной,
Я так порой не спать люблю!

Да как же спать, когда из мрака
Мне будто слышен глас веков,
И свет соседнего барака
Еще горит во мгле снегов.

Пусть завтра будет путь морозен,
Пусть буду, может быть, угрюм,
Я не просплю сказанье сосен,
Старинных сосен долгий шум...

Под ветвями больничных берёз

Под ветвями плакучих деревьев
В чистых окнах больничных палат
Выткан весь из пурпуровых перьев
Для кого-то последний закат...
Вроде крепок, как свеженький овощ,
Человек, и легка его жизнь, —
Вдруг пронесится скорая помощь,
И сирена кричит: «Расступись!»
Вот и я на больничном покое.
И такие мне речи поют,
Что грешно за участие такое
Не влюбиться в больничный уют!
В светлый вечер под музыку Грига
В тихой роще больничных берёз
Я бы умер, наверно, без крика,
Но не смог бы, наверно, без слёз...
Нет, не всё, — говорю, — пролетело!
Посильней мы и этой беды!
Значит, самое милое дело —
Это выпить немного воды,
Посвистеть на манер канарейки
И подумать о жизни всерьёз
На какой-нибудь старой скамейке
Под ветвями больничных берёз...

Видения на холме

Взбегу на холм и упаду в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
Засвищут стрелы будто наяву,
Блеснёт в глаза кривым ножом монгола!
Пустынный свет на звёздных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг в крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батяя...

Россия, Русь —
Куда я ни взгляну!
За все твои старания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шёпот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в твои леса и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времён татары и монголы,
Они несут на флагах чёрный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях России.

Кресты, кресты...
Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смиренно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они — и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной — бессмертных звёзд Руси,
Спокойных звёзд безбрежное мерцанье...

Ночь на родине

Высокий дуб. Глубокая вода.
Спокойные кругом ложатся тени.
И тихо так, как будто никогда
Природа здесь не знала потрясений!

И тихо так, как будто никогда
Здесь крыши сёл не слыхивали грома!
Не вострепнется ветер у пруда,
И на дворе не зашуршит солома,

И редок сонный коростеля крик...
Вернулся я, — былое не вернется!
Ну что же? Пусть хоть это остаётся,
Продлится пусть хотя бы этот миг,

Когда души не трогает беда,
И так спокойно двигаются тени,
И тихо так, как будто никогда
Уже не будет в жизни потрясений,

И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром.

В минуты музыки

В минуты музыки печальной
Я представляю жёлтый плёс,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берёз,

И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей...

Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.

Но всё равно в жилищах зыбких —
Попробуй их останови! —
Перекликаясь, плачут скрипки
О жёлтом плёсе, о любви.

И всё равно под небом низким
Я вижу явственно, до слёз,
И жёлтый плёс, и голос близкий,
И шум порывистых берёз.

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чём...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чём.

Прощальный костёр

В краю лесов, полей, озёр
Мы про свои забыли годы.
Горел прощальный наш костёр,
Как мимолётный сон природы...

И ночь, растрченная вся
На драгоценные забавы,
Редее, выше вознося
Небесный купол, полный славы.

Прощай, костер! Прощайте все,
Кто нынче был со мною рядом,
Кто воздавал земной красе
Почти молитвенным обрядом...

Хотя доносятся уже
Сигналы старости грядущей,
Надежды, скрытые в душе,
Светло восходят в день цветущий.

Душа свои не помнит годы,
Так по-младенчески чиста,
Как говорящие уста
Нас окружающей природы...

Тихая моя родина

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

— Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зелёный простор.
Словно ворона весёлая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

В старом парке

Песчаный путь
В еловый тёмный лес,
В зелёный пруд
Упавшие деревья.
И бирюза,
И огненные перья
Ночной грозюю
Вымытых небес!

Желтея грустно,
Старый особняк
Стоит в глуши
Запущенного парка –
Как дико здесь!
Нужна покрепче палка,
Чтоб уложить
Крапиву кое-как...

Покрывшись пеплом,
Гаснет бирюза.
А там, во тьме
Унылого стренья,
Забытого навек
Без сожаленья,
Горят кошачьи
Жёлтые глаза.

Не отыскать
Заросшие следы,
Ничей приход
Не оживит картины,
Лишь манят, вспыхнув,
Ягоды малины
Да редких вишен
Крупные плоды.

Здесь барин жил.
И может быть, сейчас,
Как старый лев,
Дряхлея на чужбине,
Об этой сладкой
Вспомнил он малине,
И долго слёзы
Катятся из глаз...

Подует ветер!
Сосен тёмный ряд
Вдруг зашумит,
Застонет, занеможет,
И этот шум
Волнует и тревожит,
И не понять,
О чём они шумят.

Детство

Мать умерла.
Отец ушёл на фронт.
Соседка злая
Не дает проходу.
Я смутно помню
Утро похорон
И за окошком
Скучную природу.
Откуда только –
Как из-под земли! –
Взялись в жилье
И сумерки и сырость.
Но вот однажды
Всё переменялось,
За мной пришли,
Куда-то повезли.

Я смутно помню
Позднюю реку,
Огни на ней,
И скрип, и плеск парома,
И крик «Скорей!»,
Потом раскаты грома
И дождь... Потом
Детдом на берегу.

Вот говорят,
Что скуден был паёк,
Что были ночи
С холодом, с тоскою, –
Я лучше помню
Ивы над рекою
И запоздалый
В поле огонёк.

До слёз теперь
Любимые места!
И там, в глуши,
Под крышею детдома
Для нас звучало
Как-то незнакомо,
Нас оскорбляло
Слово «сирота».

Хотя старушки
Местных деревень
И впрямь на нас
Так жалобно глядели,
Как на сирот несчастных
В самом деле,
Но время шло,
И приближался день,

Когда раздался
Праведный салют,
Когда прошла
Военная морока,
И нам подъём
Объявлен был до срока,
И все кричали:
– Гитлеру капут!

Ещё прошло
Немного быстрых лет,
И стало грустно вновь.
Мы уезжали!
Тогда нас всей
Деревней провожали,
Туман покрыл
Разлуки нашей след...

В пустыне

Сотни лет,
Пролетевших без вести.
Сотни лет,
Сверхъестественно злой,
Как задуманный
Кем-то для мести,
Сотни лет
Над пустынями зной!

Шли с проклятьями
Все караваны...
Кто ж любил вас?
И кто вас ласкал?
Кто жалел
Погребённые страны
Меж песков
И обрушенных скал?

Хриплым криком
Тревожа гробницы,
Поднимаются,
Словно кресты,
Фантастически мрачные
Птицы,
Одинокие птицы пустынь.
Но и в мёртвых
Песках без движения,
Как под гнётом
Неведомых дум,
Зреет жгучая
Жажда сраженья,
В каждом шорохе
Зреет самум!..

* * *

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племён!
Как прежде скакали на голос удачи капризной,
Я буду скакать по следам миновавших времён...

Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность,
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть в труде и за честность,
И лучшую жницу, как знамя, в руках проносил!

И быстро, как ласточка, мчался я в майском костюме
На звуки гармошки, на пенье и смех на лужке,
А мимо неслись в торопливом немолкнувшем шуме
Весенние воды, и брёвна неслись по реке...

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звёздная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мели.

И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих померкших полей, —
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!..

О сельские виды! О дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!

Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, всё понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, моё божество!

Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..

Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье
И тайные сны неподвижных больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую лёгкую тень.

И только, страдая, израненный бывший десантник
Расскажет в бреду удивлённой старухе своей,
Что ночью промчался какой-то таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...

